

Женские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Его тегиция

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Его женщина / Мария Метлицкая. —
Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-102167-2

Как сложно найти человека, который принимал бы тебя таким, какой ты есть, не пытаясь переделать.

Писатель Максим Ковалев был уверен, что в его жизни ничего произойти не может: он популярен, богат, давно и прочно женат. Жена в свое время «вывела его в люди» и с тех пор направляет твердой рукой, не давая поблажек, наказывая за слабости и поощряя за успех. Была ли эта жизнь счастливой? У Максима не было времени об этом подумать.

Но однажды он получил письмо от благодарной читательницы. Марина Сторожева писала, что книги Максима спасли ее от одиночества и тоски, помогли поверить, что жизнь стоит того, чтобы ее продолжать.

Это письмо стало вспышкой молнии. Ковалев задумался, так ли он живет, а главное — та ли женщина рядом с ним.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-102167-2

© Метлицкая М., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Добрый день, Максим Александрович!
Простите за беспокойство. Впервые пишу писателю, да еще уважаемому и очень любимому!
Поверьте, я никогда не писала незнакомым людям. Да и вообще никогда не писала писем.

Хотя «незнакомым» я вас назвать не могу – мне кажется, что мы с вами давно и близко знакомы! Понимаю, что выглядит это смешно. Наверняка таких, как я, у вас сотни и даже тысячи. Тысячи тех, кто хочет выразить вам свою благодарность, почтение и любовь. Не сомневаюсь в этом ни одной минуты! Ваши книги, полные искренности и живой, пронзительной, жизненной и человеческой правды и, как мне кажется, щемящей откровенности, позволяют мне считать вас человеком знакомым и близким.

Не подумайте бога ради, что я принадлежу к той когорте навязчивых и чокнутых почитательниц, фанаток, хватающих бедного автора за рукав. Нет, честное слово, это не так! Просто вы так затронули мою душу, что осмелилась вам написать. А для чего я это делаю – не понимаю, ей-богу... Уверена, что вы безумно устали от вечных назойливых

поклонниц и поклонников. Но что поделать – наверное, это одна из сторон медали славы.

В своем сумбурном и бестолковом письме я просто хотела сказать вам спасибо, выразить свою признательность и благодарность. Спасибо за честность, за то, что не пытаетесь сделать людей и жизнь краше, белее, чем они есть. Не стараетесь потрафить читателю, польстить, наивно обнадеежить его, заморочить ему голову, окуная в несуществующий мир грёз и фантазий.

Это, надо сказать, большое мужество. Большое мужество не стараться понравиться всем.

Только что я прочла ваш последний роман. Как я ждала его, считая дни до его выхода!

Как вы поняли, здесь я говорю про вашу последнюю книгу – «Не позволяй мне уйти».

Простите, но почему-то мне кажется, что здесь много автобиографического. Возможно, я ошибаюсь. Это, наверное, глупое предположение. Хотя не может человек, не переживший подобное, так пронзительно, глубоко и честно об этом писать!

Мне многое созвучно в этой книге – вас, наверное, это не удивляет. И об этом вам тоже пишут, уверена.

Прочитала про вас в Википедии – правильно, все совпало. Мы с вами примерно одного поколения, мы – земляки, я тоже москвичка. Мы родились и выросли в одной стране, и это многое объясняет. Нам, столичным жителям, многое было доступно – выставки, театры, музеи. Мы слушали одну музыку, смотрели одни и те же фильмы, читали одни и те же книги – это я почерпнула из ваших интер-

вью. Знаете, так странно – наши вкусы совпали во многом! Я, как и вы, с большим трудом прошла через девяностые годы. Впрочем, тут нет ничего удивительного – тогда так жила вся страна. Вся наша бедная страна, в очередной раз переживающая нищету, унижения и немислимый бардак.

И все же мы выжили – вопреки всему. И после всего этого ада, сумятицы, всеобщей растерянности, страха, почти катастрофы мы смогли выползти, подняться на ноги, устоять и даже сделать карьеру. Правда, не все, увы.

Мне близки ваши представления о человеке и мироустройстве – здесь мы снова совпали. И это бесконечно меня радует.

Ой, перечитала и испугалась. Мне стало страшно неловко... Как же я загрузила вас, господи! Зачем вывалила на вас весь этот бред? В который раз извиняюсь перед вами! Но править ничего не буду. Если начну – точно не отправлю, удалю письмо.

Простите за сумбужность, за сбивчивость, за путаный слог. Простите за мой душевный порыв. Еще раз спасибо за вашу книгу, за ваш прекрасный и тяжелый труд, который помогает нам выживать и оставаться людьми!

С огромным уважением и благодарностью,

Марина Николаевна Сторожева,
учитель музыки.

Спасибо!

Марина

Господи, зачем? Зачем я написала ему? Глупость какая... Стыдно.

Вечно мои душевные порывы, от которых мне потом только стыдно.

И жизнь ведь ничему не научила — вот он, пример! Сколько раз мордой об стол — и опять.

Одна надежда — он не прочтет. Конечно же, не прочтет. Сколько их таких, сумасшедших поклонниц! Сколько старых и молодых дур, всю жизнь ищущих смысл жизни и ждущих ответа, пишут ему. Имя им — легион.

Впрочем, нет — я ответа не жду. Значит, кое-что в голове осталось. Какие-то крохи, остатки разума. Климакс. Вот его проявления.

Конечно, климакс и одиночество. И снова мои сомнения. Я никогда ничего не могла решить сразу. Я никогда не могла сразу решиться! Всю жизнь я толкалась на пороге, стесняясь или боясь толкнуть дверь рукой и войти. Всю жизнь я была стеснительной, закомплексованной. Всю жизнь я чего-то боялась. Я никогда не умела настаивать, требовать. Просить. Я стеснялась себя

обнаружить. Всю жизнь я была страшной трусихой. А тут — на тебе, осмелела!

Господи, но как же неловко! Не смогла справиться, остановить себя, дать себе по рукам. Дура — она и есть дура.

Да и черт с ним, с письмом! Что я себя терзаю? За что стыжу? Подумаешь — написала! Да, под влиянием эмоций и настроения. Тоже мне, преступление! Еще одна сумасшедшая тетка. Наверняка он давно к этому привык. Посмеется и письмо удалит — спам. Делов-то с копейку! А скорее всего — не прочтет. У него в отличие от меня, бездельницы, — куча всяких важных дел. Встречи с читателями, командировки, поездки. В конце концов — серьезная работа. Семья — жена, дети.

Ладно, хватит себя корить! Прости себе минутную слабость. Вот так всегда — сделаю что-нибудь, а потом... сжираю себя, как самка богомола сжирает самца.

Хватит, все. Займись-ка делами, Марина!

Какими делами, господи? Ах да! У меня много дел! Только — каких?

Как же я ненавижу праздники! Просто до дрожи, до тошноты. Именно в эти дни, когда страна отдыхает, предается веселью, зазывает гостей, накрывает пышные столы, поет и танцует. Когда все радуются друг другу, обнимаясь в тесной прихожей, и с кухни тянет пирогами и жареной уткой, а под елкой лежат подарки и разгоряченные, усталые хозяйки торопливо поправляют прическу. Когда возбужденные муж-

чины торопятся домой с букетами тюльпанов и гвоздик, нервно нащупывая и проверяя наличие картонной коробочки с духами в кармане плаща. А их ожидающие праздника и подарка нервные супруги поглядывают в окно. Когда влажно и свежо пахнут молодые клейкие первые листочки на деревьях и семья съезжается на дачу, открыв новый сезон, и шумно от радостных возгласов и вскриков, все душат друг друга в объятиях и торопятся усесться за стол, накрытый в саду, под яблоней. И кипит самовар, и пахнет укропом из банки с малосольными огурчиками, и в бидоне настаивается, ждет своего часа окрошка, и тянет дымком от мангала. Вот тогда мне особенно плохо. Вот тогда я особенно остро чувствую, что я — одна. Одна на всем белом свете. Невзирая на наличие дочери, матери и любовника. И все эти праздники, семейные и государственные, для меня сплошная мука и унижение.

А ведь есть еще и мой день рождения! Как я ненавижу этот день! Как хочу, чтобы его вообще не было на календаре — эх, если можно бы было стереть эту дату! Как я жду утра следующего дня, радуясь, что все наконец прошло! А ведь когда-то я его очень любила! Когда все было по-другому, когда у меня была семья. Когда все были вместе. Когда вообще все было! Не просто по-другому — просто все было. И все еще были...

Как я ждала этот день, как готовилась к нему — покупала новое платье, делала прическу, пекла пироги. И ждала — мужа с работы, дочку

из садика, маму, гостей. Как много тогда в моем доме было людей! Родни, приятелей — Сережкиных и моих. Было громко, весело, вкусно. Все танцевали. Сережа приглашал мою маму. А она очень смущалась. Как это было давно! Словно сон.

Сейчас все по-другому: другая жизнь, одиночество. Полное, тотальное одиночество. При живых близких, при любимом вроде мужчине. «Вроде» — точно сказано. Самой стало смешно. Вся моя жизнь — вроде. Вроде как есть, а на самом деле...

Дочь. Моя дочь Ника. Она тоже, слава богу, есть! Господи, что за фраза получилась — самой стало страшно. Нелепая, страшная, но — правдивая. Вроде как. Почему вроде? Да потому, что она, моя дочь, далеко! За тридевять земель, в тридевятом царстве, в тридесятом государстве. На краю света. Далеко от меня. Это, конечно, фигура речи. Полтора часа, если по пробкам. Ну, в крайнем случае — два. А видимся мы раз в месяц, не больше. Даже реже — я ей не нужна. Совсем.

Короткий звонок раз в три дня: «Мам, ты нормально?»

«Нормально», — отвечаю я, зная, что все остальное ей неинтересно.

Наверное, я сама виновата.

«Как бабушка? Нормально?»

«Нормально», — снова отвечаю я. — У нас все нормально. «Как у тебя?» — спрашиваю я.

«Нормально», — отвечает она.

Она произносит это слово, как бы предупреждая мои расспросы. Я произношу это слово, потому что она не желает знать правду. Ей неинтересны мои жалобы и нытье.

Почему так получилось? Не понимаю. Где я пропустила, в чем виновата? Нет, вру — понимаю. И когда пропустила — понимаю, и в чем виновата. И все же обидно — девочка, дочка. Молодая женщина. Я так мечтала, чтобы мы были подругами. Ну да ладно. Что я скулю? Пусть у нее будет все хорошо, пусть она будет здорова. Пусть будет счастлива — даже с *этим*. Которого я еле терплю. Пусть! А остальное я переживу — не впервой.

Мама. Мама хворает — давление, бесконечные кризы. Бедная мама! Мне хочется, чтобы она меня пожалела. А ей уже не до меня — мама борется с болезнями. Отыскивает какие-то народные рецепты и средства, покупает сомнительные газетки, слушает бабок на лавочках. Настаивает травы, собирает калину, покупает медные браслеты и прочую чушь. Я с ней спорю, но без толку. Врачей мама не признает. И как с ней бороться? Не понимаю.

Любимый мужчина — тот, кто «вроде как». При этом словосочетании мне становится смешно. Любимый мужчина. Нет, никогда я не называла его так! Потому, что никогда он не был *любимым мужчиной*. Любовником? Наверное, да. Какая огромная пропасть между этими однокоренными словами! Любимый — любовник. А у кого-то ведь сочетается! Но не у меня.

В этой истории вообще все страшно запутано, сплетено, завязано, но ни радости, ни восторга, ни удовольствия. Одно название — у меня есть любовник. Да, есть. Мы вместе. И в то же время поодиночке. В моей жизни его практически нет. Подарки, рестораны и даже поездки не в счет. Ничего плохого в них нет. Но я не из тех, кого это здорово возбуждает. При этом мы с ним, скорее всего, привыкли друг к другу. Так все и тянется — кое-как. И ничего невозможно изменить, ничего!

Наверное, это и хорошо. Лучше нам ничего не менять.

Он женат. У него были огромные, неразрешимые трудности — это правда: больная жена, дочь, растущая без материнского глаза, непростая теща и очень и очень ответственная работа. А тут еще я! От меня должна исходить только радость. Покой. Позитив. Я должна встретить и проводить его с улыбкой. Покормить, пожалеть. Ублажить. Иначе зачем я ему вообще нужна? Чтобы слушать о моих тревогах и страхах? Мигренях и приливах?

У него и своих проблем выше крыши. Я для радости, для удовольствия.

А какое от меня удовольствие, господи?

Мне хочется, чтобы меня пожалели. Посочувствовали, погладили по голове. Просто выслушали — я бы уже была рада!

Но нет. Сочувствовать можно только ему.

Это тянется долго и трудно, с усилием — как натянутый резиновый трос или стальная и креп-

кая пружина: отпустишь — шарахнет по тебе. И будет еще больнее.

Ни у кого не хватает сил разрубить, разорвать. Мы все жуем и жуем эту давно несладкую жвачку, как советские дети жевали резинку, потерявшую вкус и цвет. Мы приклеиваем, прилепляем ее к спинке кровати или к столу, чтобы завтра достать, но — невкусно. Мы оба боимся одиночества, которое нам хорошо знакомо. Но мы по-прежнему одиноки и не хотим признаться в этом даже себе.

Кто я? Обычная женщина, каких миллионы. Сохранившая фигуру и стройность ног. Светлорусая и сероглазая. Ничего значительного из меня не получилось, увы... Мне сорок пять, я — неудавшийся пианист и концертмейстер, в данный момент — учительница музыки в районной школе, неудачница и лузерша, как теперь говорят.

Я пишу незнакомым мужчинам-писателям проникновенные и слегка истеричные письма, обнажая в них свою душу. На что я надеюсь? Что меня наконец кто-то поймет?

Нет, это не так — никаким «мужчинам-писателям» я не пишу. Я написала впервые в жизни письмо незнакомому мне лично и очень известному человеку — писателю Максиму Ковалеву. Непревзойденному мастеру современной прозы — как его называют. А для чего — не знаю сама. Порыв души — так я объяснила. Всегда меня подводили эти «порывы».

В общем, такие дела.

Максим

Как поздно начинается день. Как непозволительно поздно, особенно в моем-то возрасте! Когда каждый день на счету, когда нужно ценить каждый час, когда так мало осталось времени, причем на все, в том числе на саму жизнь. Мне уже пятьдесят четыре, на следующий год юбилей. До чего обидно так палить время! Как я небережлив, как угождаю своим желаниям!

Никак не могу вытащить себя из постели. Просыпаюсь я рано — часов в девять, не позже. Но тут начинается «процесс» — не открывая глаз, я пробую снова уснуть. Не получается. Караулю сон, пытаюсь не двигаться — замираю. Не выходит. Переворачиваюсь на другой бок и «считаю слонов» — минуты три, не больше, понимая, как это смешно. Тяжело вздыхая, шарю рукой по полу и нахожу книжку — какую-нибудь, мне все равно. Но точно не свою.

Пробую читать — удовольствия никакого. Читать с удовольствием получается только поздно вечером, перед сном.

Закипаю от раздражения и наконец встаю. Шаркаю тапочками, побрякиваю от возмущения и ползу на кухню перекурить. От дурной привычки никак не избавлюсь, если честно, просто не хочу.

С превеликой тоской я смотрю на улицу. Под окном двор: яркие грибки песочниц, качели, карусели, какие-то тренажеры типа шведских стенок, бруссы, «козлы», чтобы детвора развивалась.